

ТЕМА ВЕЧНОСТИ В ПОВЕСТИ Б. ЗАЙЦЕВА "РЕКА ВРЕМЕН"

THEME ETERNITY IN THE STORY BORIS ZAITSEV "RIVER OF TIME"

H. Poltavskaya

Annotation

B. Zaitsev's story "The river of times" that crowns the writer's creative career is analyzed in the article. Various forms of expression of the author's consciousness are examined, such as semantics of the title of the work, the heroes' contrastive characteristics, colour symbolism, poetization of holiness etc. It is shown that the problem "temporal / eternal" in B. Zaitsev's story is being solved through the reader's turning to the Eastern Christianity values.

Keywords: the theme of eternity, semantics of the title, the principle of contrast, poetization of holiness, Eastern Christianity values, B. Zaitsev.

Полтавская Елена Андреевна

*Соискатель каф. новейшей
русской литературы Литературного
Института им. А.М. Горького*

Аннотация

В статье анализируется повесть Б.Зайцева "Река времен", завершающая творческий путь писателя. Рассматриваются различные формы выражения авторского сознания: семантика названия произведения, контрастная характеристика героев, цветовая символика, поэтизация святости и др. Показывается, что проблема "временное / вечное" в повести Б.Зайцева решается через приобщение читателя к ценностям православия.

Ключевые слова:

Тема вечности, семантика названия, принцип контраста, поэтизация святости, ценности православия, Б.Зайцев.

Б. Зайцев – один из наиболее ярких представителей русской литературы XX века. Его проза носит лирический характер, – соответственно, в структуре каждого из его произведений доминирует авторское начало: как правило, лирический герой его произведений воспринимается как alter ego автора. Жизнь Б. Зайцева состоялась в контексте эпохи (революции 1905 г., 1917 г., война 1914 г., гражданская война, вынужденная эмиграция...): на этом фоне постепенно складывался эстетический идеал писателя. Ощущение осмысленности существования к нему приходит вместе с принятием в 1910–х годах христианского (православного) мировоззрения. Художественные произведения Б. Зайцева отражают динамику его мироощущения: если в 1900–х годах в творчестве Б. Зайцева доминировала пантеистическая проблематика ("В дороге", "Волки", "Мгла" и др.), то в более поздних произведениях ("Изгнание", "Путники", "Голубая звезда" и др.) определяющую роль играет христианская составляющая. Постепенно – особенно в период эмиграции – одним из ключевых мотивов в прозе Б. Зайцева становится мотив странничества. Герой–странник произведений Б. Зайцева (романы "Золотой узор", "Дом в Пасси", автобиографическая тетралогия "Путешествие Глеба", повести "Странное путешествие", "Река времен", и др.) на метафорическом уровне ассоциируется с идеей вечного поиска пути к истине ... В зрелой прозе писателя мотив пути представлен в контексте христианского мировосприятия: по Б. Зайцеву, обретение человеком лич-

ного пути, следование ему невозможно без обращения к христианским ценностям и представлениям, – путь лирического героя Б. Зайцева (читай: Б. Зайцева) – путь к Богу. Так, в книге "Русская литература в изгнании" Г. Струве подчеркивает, что от таких писателей, как А. Куприн, И. Бунин или А. Толстой, Б. Зайцева отличает именно "религиозная, христианская нота". По его мнению, религиозность Б. Зайцева – светлая (!): она "благоднее, примиреннее, умудреннее", чем религиозность А. Ремизова (у него "религиозные мотивы приобретают горько-скорбный, а иногда ... и демонический" характер), и даже внешне близкого, но все же другого по подходу И. Шмелева [7, с. 80].

В современном литературоведении все чаще делается упор на религиозной составляющей творчества Б. Зайцева, которая характеризуется как "сердечное созерцание", "совестная воля", "верующая мысль", "доверительное думанье" и т.п. [6, с. 3]. Но уже давно было замечено, что Б. Зайцев "с самой ранней писательской поры своей ищет и находит в человеке крупинку святости, скрытый в нем образ Божий... Может быть, святость и есть основная цель всего пути художника Бориса Зайцева и всех его "путников"... " [2, с. 149]. Цель нашей статьи – показать, что проблемы вечности и поэтизации святости в повести Б.Зайцева "Река времен" решаются во взаимосвязи – через приобщение читателя к ценностям православия.

Повесть "Река времен" (1964) завершает творческий путь Б. Зайцева. Философия повести – спокойствие, просветленный оптимизм: писатель показывает, что на нескончаемом пути приобщения человека к Божественной реальности никогда не поздно осознать свою незначительность, ничтожность, сердцем и душой принять кроткое спокойствие, смирение. Думается, что с личностью Б. Зайцева как автора повести "Река времен" удивительно соотносимы размышления И. Ильина: "То, что художник дает людям, есть прежде всего и более всего глубокий, таинственный помысел о мире, о человеке и о Боге, – о путях Божиих и о судьбах человека и мира" [4, с. 244, 247]. Повесть Б. Зайцева "Река времен" более, чем любое другое произведение писателя – в буквальном смысле – воспринимается как "помысел о мире, о человеке и о Боге". Для названия своей повести Б. Зайцев позаимствовал центральный образ из стихотворения Г. Державина ("Река времен в своем стремлении Уносит все дела людей..."), которое является аллюзией на ветхозаветную книгу Экклезиаст ("Суета сует – все суета"). Уже в названии повести заявлена тема вечности (читай: смысла жизни), определяющая развитие сюжета, но Б. Зайцев предлагает свой – полемичный относительно Г. Державина – вариант решения этой проблемы.

Повествование строится на контрастах, – ключевые оппозиции: преходящее / вечное; земное / небесное; материальное / духовное. Главные герои повести – монахи Андроник и Савватий: "Оба хоть и архимандриты, а совсем разные... Андроник вовсе еще не стар, но с проседью уже, худой, высокий, несколько чахоточного типа, с огромными прекрасными глазами, молчаливый и всегда задумчивый. Савватий много старше, сильный, плотный, румяный, с ослепительно серебряной главой, бородой белейшею..." [1, с.5]. Контрастная характеристика героев повести в ходе повествования постоянно обогащается: вслед за портретами идет описание их жилья, – в келье Савватия "обстановка простецкая", в то время как келья Андроника несет на себе отпечаток учености хозяина, – все стены в книжных полках, рядом с древними иконами портреты Константина Леонтьева, Александра I и Леона Блуа [1, с.8].

Дальше – больше: если Савватий пришел к монашеству органично и естественно для себя, то Андроник принял монашество в ранней молодости из-за неудачной любви ("Был студентом, стал монахом. В одни сутки..." [1, с.9]). Соответственно, Андронику психологически труднее дается не только монашество, но и постижение высших истин христианства. Если Савватий не испытывает никаких сомнений психологического рода, – все его жизненные устремления связаны с мечтой получить сан епископа и приношениями прихожан ("Не оскудевает вера православная", – привычно повторяет он принимая и пирожки с рыбой от благочестивой старушки, и новый ар-

тос; "Оскудела вера православная", – жалуется он Андронику, вернувшись в монастырь от зажиточного прихожанина, который вместо ожидаемого обеда угощал его "чаем с крендельками"), то у Андроника душа мятущаяся – не случайно, молясь о "многим запутанной душе своей", он просит у Бога "стать бы детским, бездумным, ясным!" [1, с.13]. Соответственно, и сон у героев повести разный, – Андроник спит всегда плохо, терзаясь во сне мучительными воспоминаниями о прежней жизни; Савватий же спит безмятежно [1, с.9, 13–14].

В качестве дополнительной характеристики двух монахов выступает цветовая символика. Так, образ Андроника постоянно сопровождает зеленоватый отсвет каштанов, растущих в монастыре: они придают его келье "полусумеречный, спокойный тон"; в "зеленом полумраке колеблющейся листвы каштанов" он возвращается по вечерам в свою келью; ночами в просвете каштанов он видит звезды...; с образом Савватия ассоциируется цвет серебра: "сребро-белеющая голова", "серебряная борода", "кончики серебряных усов" и т.п. Противопоставление теплого, зеленого и холодного, серебряного цвета здесь, разумеется, не случайно... Можно предположить, что каждый из них выполняет роль знака-вектора, указывающего направление движения героев повести в сторону жизни или смерти.

Б. Зайцев-художник тонко поэтизирует мысль о вечной, незыблемой ценности и красоте духовных постулатов православия, их благотворящей целительной силы. В этом плане сопоставление образов Андроника и Савватия особенно показательное, – сопоставление героев становится здесь не только основным композиционным приемом, но и способом выражения авторского сознания: постоянно подчеркивая то, что отличает монахов друг от друга (цельность Савватия и двойственность Андроника), Б. Зайцев отмечает и их духовное родство, глубинную укорененность каждого из героев повести в древнейших пластах православной культуры. Роднит этих людей и присущая им сердечная доброжелательность в отношениях друг к другу, – опять-таки при подчеркиваемом несходстве не только их натур, но и путей к монашеству.

Авторская концепция бытия находит отражение в ключевых эпизодах повести. Первый из них – разговор двух архимандритов в келье Андроника: речь идет о вечном и преходящем [1, с.10–13]. Сначала выясняется, что Андронику уже дважды предлагали сан епископа (предел мечтаний Савватия), но он без видимых причин оба раза от этого сана отказывался: "Плохой бы я был архиерей. Вы меня знаете. Вот, службы в церкви, книги, рукописи, это мое, а управление епархией – другое..." [1, с.11]; затем монахи обсуждают стихотворение Г. Державина о "реке времен", заканчивающееся фатальной мыслью:

всё "вечности жерлом пожрется И не уйдет своей судьбы". Андроник, склонный периодически впадать в состояние уныния ("... и святые испытывали минуты Богооставленности" [1, с. 12]), разделяет сомнения Г. Державина, – отсюда у него постоянные раздумья о скорой смерти (предчувствие смерти); для Савватия же мысль Г. Державина о тщетности бытия оказывается неприемлемой, – прежде всего потому, что она противоречит христианскому учению: "Господь больше и выше этого жерла. У Него ничто не пропадает..." [1, с. 12]. Важно, что Андроник легко соглашается с Савватием... В сущности, – Б. Зайцев постоянно указывает на это читателю – герои повести не являются антагонистами, их спор отражает различные грани одного миропонимания: "Чужда вере нашей безнадёжность стихов этих..." [1, с. 13]. Данный эпизод во многом проясняет позицию Б. Зайцева относительно проблемы "преходящее / вечное": герои повести выражают единую с автором убежденность в спасительных началах православной веры, снимающей тоску Богооставленности своим светлым, радостным миропониманием и высоким нравственным началом.

Еще один ключевой эпизод повести – рассказ о подготовке и проведении в монастыре международного научного богословского съезда. В этом эпизоде центральное место отводится образу митрополита Иоанникия, – с ним связан мотив приподнятости над обыденным бытием, поэтизации святости. Описание его прибытия имеет глубокий символический смысл, – вместе с сопровождающими его представителями духовенства он поднимается по пологой "тропинке–лестничке" в гору, к монастырю, причем монахами этот подъем воспринимается как полет ("...он легко, как–то невесомо взлетал, точно земля и не очень притягивала его"), а внутренний монолог Андроника ("Вот, восходит, – думал Андроник: а ведь сердце у него слабое, недавно был обморок...") и комментарий автора ("И действительно, человек этот, со слабым сердцем, питавшийся больше чаем да сухариками, почти птичьим полётом возносился кверху...") превращают этот подъем–полет в ВОЗНЕСЕНИЕ [1, с. 16–17].

Мотив вознесения, поэтизации святости подготавливает кульминацию повести, которая в прозе Б. Зайцева, как правило, представляет собой воспроизведение эмоционального воздействия на героев некоего внешнего фактора, в данном случае – восхождения от ворот сторожки к монастырю митрополита Иоанникия. В лаконичной и художественно–емкой прозе Б. Зайцева отсутствуют пространственные комментарии и психологические объяснения – такие эпизоды говорят сами за себя. Но часто, как в музыкальном произведении, их основной мотив получает обогащение и дополнительное освещение в последующих фрагментах повествования. Так и здесь: тема высоты нравственного подвижничества, русской святости развивается в сцене беседы Андроника с английским

богословом. Разговор идет о сильных и слабых местах католицизма и православия: Андроник признается, что ценит "силу, порядок и дисциплину католицизма. Единство его и крепость... то, чего у православных, как раз мало"; но ответная реплика католического богослова, пораженного обликом словно возносящегося к небесам митрополита Иоанникия, воспринимается как признание нравственного превосходства православной церкви. Символично, что при расставании собеседники обмениваются братским поцелуем. В том, что герои повести "Река времен", несмотря на различие мировоззрений, не испытывают друг к другу враждебности, просматривается высоконравственная позиция автора, стремящегося реализовать свою сверхзадачу – "воцерковление искусства слова и приобщение читателя к ценностям православия" [5, с. 126].

Тема вечности, смысла жизни в повести Б. Зайцева сопряжена с темой смерти. О скорой смерти часто думает Андроник, ему же нередко приходит мысль о жизненной силе и о несомненном долгожительстве Савватия: "...на земле долго ему жить. Старше меня, а надо мной будет Евангелие читать, когда я вот тут вытянусь навсегда"; "Он всех нас переживет, хоть и всех старше..." [1, с. 21, 22, 24–25]. Скоропостижная смерть Савватия ("Епископ Савватий... переходит через реку"), получившего наконец–то, чего желала его бесхитростная, жизнелюбивая душа – епископскую митру, потрясает Андроника... Вместе с тем в смерти Савватия для Андроника открывается высший смысл бытия, – читая над телом Савватия "неиссякаемую книгу", он ощущает странную, мистическую связь с душой умершего. Б. Зайцев не объясняет суть этой связи, но она угадывается из контекста ("Владыка Савватий лежал на спине, ничего владычного не было в этом крупном теле с серебряною бородой..." [1, с. 27]) и, возможно, безотчетно осознается Андроником: всех людей уравнивает и роднит их телесная беспомощность, немощность и брэнность их физического существования, непостижимость для каждого человека знания отпущенного ему Господом земного срока. Именно сопричастность великой тайне смерти через вновь постигаемые откровения "неиссякаемой книги" совершает некий переворот в душе Андроника: "Был он теперь как–то собран, спокоен, точно тоже перешел грань" [1, с. 27].

Через насыщенную соляной символикой внешнюю изобразительность Б. Зайцев–художник убеждает читателя в том, что его герой перешел на новый, высший уровень восприятия евангельских истин: "Он начал читать. Солнце подымалось выше, золото лучей пало на золото митры. Андроник был спокоен и далек. В нем звучал как бы некий и не его голос. Чем дальше, тем торжественней он становился. И всё торжественнее золотили солнечные лучи скромные стены и скромные предметы комнаты..." [1, с. 27]. Здесь писатель создает "величественный и

прекрасный гимн вечно сияющей человеку бессмертной Божественной благодати"[3, с.151]. Мысль о ставшей возможной для Андроника непостижимой связи с высшими началами Бытия, о неиссякаемой глубинной силе христианского вероучения, которое не в силах смыть "река времен" передается и через особое восприятие героем самого себя при чтении Евангелия: "В нем звучал как бы некий и не его голос...", – и далее: "Ему показалось, что это другой голос, не его..." [1, с.27, 28]. Таким образом, со смертью Савватия лирическому герою Б. Зайцева (а именно Андроник стоит в одном ряду с любимыми зайцевскими героями, которым сопутствует звездное космическое начало: "Звезды он любил. Они действовали на него успокоительно..." [1, с.21]) удастся постичь то, что не давалось ему раньше, – глубинный смысл жизни во Христе.

Итак, Б.Зайцев прошел своеобразный путь утверждения в своем творчестве христианской духовной состав-

ляющей: сначала на смену раннему пантеизму пришло увлечение христианской метафизикой Вл. Соловьева, что наиболее полно проявилось в повести "Голубая звезда" (1918), и лишь затем, в произведениях периода эмиграции (романы "Золотой узор", 1926; "Дом в Пасси", 1933; автобиографическая тетралогия "Путешествие Глеба", 1937 – 1953; повести "Преподобный Сергей Радонежский", 1924; "Странное путешествие", 1926 и др.) писатель создает образ мира, приобщающий читателя к ценностям православия: лирические герои Б. Зайцева живут в соответствии с нравственными заповедями христианства. Мотивы любви, всепрощения, покаяния, духовного служения людям – становятся ключевыми в его произведениях периода эмиграции. Сквозные темы зрелого творчества Б. Зайцева – противостояние злу, духовное самосовершенствование человека. Закономерно, что в своем "художественном завещании" – повести "Река времен" – писатель утверждает приоритет православных ценностей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Зайцев Б. Река времен // Новый журнал. Нью-Йорк, 1965. Кн.78.
2. Грибановский П. Б.К. Зайцев (Обзор творчества) // Русская литература в эмиграции / Сб. статей под ред. Н.П. Полторацкого. Питтсбург, 1972. С.133–150.
3. Захарова В.Т. Поэтика прозы Б.К. Зайцева. Н. Новгород: НГПУ, 2014.
4. Ильин И. Что такое искусство // Ильин И. Одинокий художник: Статьи. Речи. Лекции. М.: Искусство, 1993.
5. Любомудров А. Борис Зайцев и Иван Шмелев: жизнь, вера, творчество // Калужские писатели на рубеже Золотого и Серебряного веков. Сб. ст.: Пятые Международные юбилейные научные чтения. Вып.5. Калуга, 2005. С.126–133.
6. Михайлова М.В. Современное состояние изучения творчества Б.К. Зайцева // Калужские писатели на рубеже Золотого и Серебряного веков. Сб. ст.: Пятые Международные юбилейные науч. чтения. Калуга, 2005. Вып. 5. С. 3–6.
7. Струве Г. Русская литература в изгнании: Опыт критического обзора зарубежной литературы. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1956. 408 с.

© Е.А. Полтавская, (elena_poltavskay@mail.ru), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

Литературный Институт им. А.М. Горького